

Для цитирования: Гарас Л. Н.
«Человек информационный»
как антропологическая основа
для политического манипулирования? //
Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 7—17.

УДК 32.019.5+1:3

«ЧЕЛОВЕК ИНФОРМАЦИОННЫЙ» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ?

Гарас Людмила Николаевна,
Севастопольский государственный университет,
Институт общественных наук
и международных отношений,
доцент кафедры политологии
и международных отношений,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 299053,
г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: garas_In@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется специфика развития информационного общества и эффект внедрения цифровых технологий в социоантропологическом и политическом преломлении. Акцентируется внимание на появлении «человека информационного», бытийствующего в раздвоенном мире реального и виртуального. Подчеркивается, что жизнь личности в условиях «расщепленной» реальности не только открывает новые горизонты для развития личностного потенциала и активизации участия граждан в политической

жизни, но и представляет угрозу потери собственного «Я», открывает возможности манипулирования и деконструкции субъектности. Раскрывается специфика «встраивания» человека в новые условия существования. Подчеркивается, что в условиях постмодернизма наиболее соответствующим манере изложения выступает «клиповое мышление», которое характеризуется фрагментарностью, превалированием чувственного восприятия, нарушением каузальности и множеством контекстов.

В статье обсуждаются метаморфозы современной демократии на примере современного итальянского государства, в частности, раскрывается механизм постепенного «присвоения» государства легитимно избранным политиком. Особо акцентируется внимание на специфике высоких технологий, которые не просто изменили мир политического, а сформировали средства, позволяющие отслеживать действия отдельного человека, формировать его «портрет» на основе поведения в сети Интернет, а следовательно, вырабатывать адресные стратегии и конструировать его поведение. Утверждается, что в целях превенции информационного тоталитаризма необходимо стремиться к развитию когнитивных способностей и медиаграмотности личности.

Ключевые понятия:

«человек информационный»,
свобода,
«клиповое мышление»,
микротаргетирование,
информационный тоталитаризм.

Оформление информационного общества и использование цифровых технологий привели к трансформации традиционных общественных феноменов, ценностных и поведенческих паттернов, не только обусловив появление нового направления пространственного морфогенеза общественной жизни (виртуального), но и изменив представления о роли отдельной личности и социальных общностей в современном политическом процессе.

Сегодня задается принципиально иной ориентир социально-политического развития, связанный с комплексной реконfigurацией способов организации деятельности личности в различных сферах общественной жизни. Сложившаяся ситуация затрагивает и систему политического управления: открываются новые горизонты активизации участия граждан в политической жизни, связанные с возможностью развития гражданского общества и видоизменением основ взаимоотношений общества и власти. Ключевым моментом становится вовлеченность части общества в процесс выработки и принятия политических решений, влияние на формирование публичной повестки дня и осуществление перспективы получения гражданами возможности управления государством посредством укрепления партиципативных («участнических») отношений в целом.

Целью данного исследования является анализ антропосоциального и политического эффектов внедрения инновационных технологических разработок. Выявление вероятности существования риска превращения личности (субъекта) в простой набор технологий. Анализ влияния в политическом контексте: формат отношений «государство — граждане»; мера свободы личности в информационном обществе.

Анализом специфики трансформации личности в условиях процессов современной коммуникации отражена в трудах Р. Барта, Д. Белла, Ж. Бодрийера, М. Кастельса, М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Л. Фестингера и других. Результаты исследования проблемы «человека информационного» отражаются в концепциях М. Г. Абрамова, Е. Л. Вартановой, О. П. Знаменцевой, Д. Н. Ильченко, Л. М. Курбановой, Г. Л. Смоляна, С. К. Шайхитдиновой и другие. Влияния Интернета на мыслительный процесс человека анализируются в работах Н. Карра и др.

Различные аспекты феномена «клипового мышления» представлены в работах С. В. Докука, Т. В. Семеновских, Т. А. Удовицкой, Г. К. Фрумкина и др. Вопросы манипу-

лирования сознанием рассматриваются в трудах С. В. Володенкова, Н. О. Королева, Е. А. Колесникова, А. А. Мачиной, О. М. Цветкова, А. В. Шиповой и др.

Современный научно-технический прогресс и распространение информационных технологий как проецируется на развитии всех областей жизнедеятельности общества и государства (возникновение сетевых сообществ, цифровая экономика, создание электронного правительства и т. п.), так и приводит к изменению антропологического характера, прямо или косвенно обуславливает особенности современного человека, влияет на выбор его идентичности и определяет логику его поведения, в том числе и в политической проекции.

Новые реалии бытия человека в контексте взаимодействия системы «человек — техника» приводят к появлению «человека информационного», который, фактически «формируясь и функционируя в мегайнформационном пространстве» [23], подвергается трансформации в логике организации информационно-коммуникационной среды. Жизнь в двойственном мире: реальном и виртуальном — делает человека уже неотъемлемой частицей цифрового пространства в глобальном масштабе интернет-коммуникации. Бытие в проекции бинарности начинает коррелировать, в том числе с процессом медиатизации мышления, выражающегося в глобальной трансформации картины мира личности, ее гносеологических способностей и ценностных императивов «посредством специфических медийных когнитивов...» [24]. Постепенно микрокосм «человека информационного» модифицируется в инфомикрокосм [10, с. 18], который не только охватывает его мысли, чувства и переживания, но и предполагает их обязательное провозглашение в информационном пространстве. Данный факт указывает на смену среды обитания современного человека (некую вторичность среды социальной), свидетельствует об усилении зависимости от инфосферы и потенциальной возможности постепенного «растворения» человека в ней. Следует подчеркнуть постепенность и относительную малозаметность данного процесса для нашего сознания, что делает трудно предсказуемым осознание последствий превращения «человека общественного» в «человека информационного» [1, с. 127].

Бытие личности в условиях «расщепленной» реальности не только представляется крайне притягательной и заманчивой перспективой, предполагающей развитие лич-

ности и ее творческого потенциала, но и создает риски, порождая сложную психологическую ситуацию (когнитивный диссонанс [28]), представляя угрозу потери собственного «я», открывая возможности деконструкции субъектности.

Экспоненциальный рост информации и постоянное нахождение человека в «информационном шуме» провоцируют трудности восприятия мира и себя как целостности. Человеку, который подчиняется содержанию, продуцируемому средствами массовой информации и «потребляемому в процессах массовой/социальной коммуникации» [5], все более проблематично связывать воедино противоречивую информацию о происходящих процессах, объяснить связи между объектами, дать эмоциональную оценку событий и т. п. Конечно, когда приходит «конец знакомого мира» [4], который долгие годы воспринимался неотъемлемой частью, «фоном нашей жизни» [26, с. 3], «когда уходит в прошлое привычный смысл бытия и мир «становится» враждебным и непостижимым», человечество впадает в «футурошок», то есть неведомое ранее психологическое состояние, характеризующееся утратой чувства реальности и умения ориентироваться в жизни [26, с. 4], тогда начинают особо обостряться адаптационные возможности личности. Следует отметить, что «информационный человек» в условиях формирующейся техногенной реальности оказался перед вызовами, на которые ему зачастую затруднительно дать ответ.

Массовые коммуникации и жизнь в виртуальном пространстве не только позволяют человеку играть множество ролей, раскрывая свою идентичность в разнообразных социальных контекстах, но и все время обостряют ситуацию выбора: у человека не может быть «другого выбора, кроме постоянного выбора» [9, с. 103]. Безграничность виртуального бытия затрудняет самоопределение личности, обуславливает выбор стратегий ее поведения и моделей принятия решений, сказывается на способности к рефлексии и на возможности целеполагающей деятельности в целом. По мнению американского социального психолога Леона Фестингера, существует определенная степень внутренней согласованности [28] между тем, что человек знает и во что он верит, с одной стороны, и тем, какие он предпринимает действия, — с другой. В противном случае — несоответствие между когнициями индивида может спровоцировать психологический дискомфорт, побуждающий человека к действиям по минимизации, а в идеале — по устране-

нию сложившихся противоречий. То есть Фестингер акцентирует внимание на том, что изменению может быть подвержен любой психологический элемент субъекта, а его развитие и личностный рост позволят распространять свое влияние на других. В противном случае человек может выступить не только и не столько актором социально-политических отношений, сколько стать жертвой и даже орудием чужого влияния.

Учитывая, что информация сегодня выступает важнейшим функциональным и содержательным аспектом коммуникационных процессов, то полноправными посредниками между социально-политической действительностью и когнитивными установками как отдельных личностей, так и общностей можно считать средства массовой коммуникации. Следует подчеркнуть, что одними из первых, кто обратил внимание на технологическую детерминацию развития общественной жизни, стали представители Торонтской школы коммуникативистики. Ключевым лейтмотивом данной школы стал тезис Маршалла Маклюэна: «Средство коммуникации есть сообщение» [20, с. 16], однако речь идет не столько о смысловой компоненте самого сообщения, а в большей степени о средстве (форме), осуществляющем его передачу, то есть об эффектах существования медиума. Развитие технологий (особенно скорость электричества) обусловили процесс имплозии социальной и политической жизни, то есть вызвали к жизни «взрыв», направленный внутрь человеческой сущности. В результате данного процесса человек становится началом любой технологии, а технология — выступает продолжением его тела, расширением органов чувств и сознания, которые отнюдь не нейтральны. Они формируют мир, в котором мы живем: именно способы передачи информации (тип коммуникации, а не сам контент) обуславливает трансформацию типа восприятия, логику развития социальной и политической среды, а также определяют способ ее структурирования и конструирования реальности.

Дигитализация и интенсификация информационных процессов существенно меняет восприятие человека, специфику освоения им информации и всю его познавательную деятельность, что в конечном счете обуславливает трансформацию представлений о реальности. Хотя ключевые эффекты техники и не сводятся только к непосредственным чувственным воздействиям, тем не менее они затрагивают наше восприятие мира [27, с. 31]. По сути,

происходит «мегатехнологический сдвиг» [2], формирующий «новое психосоциальное пространство человеческого бытия». Конечно, однозначный вывод об эффектах современных средств коммуникации дать весьма затруднительно, однако однозначно можно заявить, что микс разнообразных изображений, звуков, текстов, данных и способов связи в одном средстве приобретает практически беспрецедентную мощь влияния, не существовавшую ранее в истории человечества. Так, новые медиа способны сделать человеческое восприятие и познание более сложными, но нельзя исключать и другой вариант: они могут «облегчить» и упростить их до примитивного [31, р. 216]. То есть информационно-коммуникационные технологии, принадлежащие уже не только миру техники, сегодня уже не представляется возможным элиминировать из общего мировоззренческого и социополитического контекста. В данной ситуации напрашивается вопрос о том, «что собой представляет современный человек», а точнее — «кем (чем) он может стать». Актуализируются вопросы «встраивания» человека в новые условия существования, когда медиа и компьютеры могут считаться расширением или даже заменой восприятия человека, общения и познания [31, р. 217].

Электронный тип культуры и информационное общество не только подразумевают технологизацию и гибридизацию способа познания, но и обуславливают продуцирование существенной опасности для человека, а именно стать придатком средств коммуникации. Сегодня человек все чаще перепоручает технологиям привычные действия и даже передает часть своих когнитивных функций гаджетам (фиксация, селекция, фильтрация информации и прочее), которые подключаются у участию в когнитивных процессах, сдвигают границы личности. В терминологии Маршалла Маклюэна происходит процесс «самоампутации», то есть внешнее расширение органов человека обуславливает отчуждение последних, которые перестают ему принадлежать. Такие «продолжения» человека способны создавать ситуацию, когда выполнение конкретных функций способно вызвать затруднения и/или даже невозможность осуществления без использования конкретной технологии. Человек такую ситуацию не всегда способен осознать, так как электронные средства коммуникации практически завершили процесс «самоампутации» человеческого сознания. В условиях техногенной цивилизации появляется угроза для человека: не осознавая

того, он может стать зависимым существом, действующим в логике средств коммуникации.

Иллюзия доступности любой информации в любой момент времени в некоторой степени «расслабляет» человека, минимизируя необходимость запоминания и осмысления информации, обуславливает новый вектор во взаимодействии с информационным пространством — клиповое мышление. Следует отметить, что «клиповый» способ подачи информации, а именно дробление ее на «кочки», присуще в первую очередь традиционным СМИ (газетам) и является достижением не XX в., а появилось намного раньше. Однако распространение цифровых технологий приводит к интенсификации данного процесса: происходит снижение роли линейного, понятийного мышления, характерного для «людей книги» [12] и замена его мышлением нелинейным. Данный процесс обусловлен снижением возможности восприятия однородной, одностильной информации и постепенным «уходом» от печатного текста. В свою очередь поиск новых способов подачи материала влечет за собой иную манеру экранного изложения, такую как «клиповый монтаж», который посредством усиления чувственного восприятия направлен на завладение и удержание внимания потребителя в огромном потоке коммуникации. Данный процесс обуславливает рост численности «людей экрана» [12], характеризующихся наличием фрагментарного восприятия мира посредством короткого, яркого посыла, предполагающего слабую связь множества отдельных отрывков (коллаж). Все это, с одной стороны, отражает специфику информационного общества, а в условиях многозадачности, диалогичности и переизбытка информации позволяет человеку выполнять одновременно несколько действий, особо не задумываясь над содержанием калейдоскопа быстро устаревающих данных. С другой — чрезмерное пресыщение информацией не только затрудняет концентрацию внимания, адекватность восприятия и переработку данных, а и формирует способность к выборочному восприятию отдельных фрагментов из различных коммуникационных каналов.

Мозаичная подача информации опирается на ритм подачи вербальных или визуальных сообщений и представляет собой набор практически разрозненных фактов, имеющих скорее временную близость, трансформирующую каузальность и пытающуюся «внушить» человеку: вся информация, полученная «после этого, значит

вследствие этого». Тем не менее у человека появляется иллюзия формирования исчерпывающего представления о событиях, происходящих в мире, хотя «клиповость» позволяет удерживать информацию лишь на мгновение и сразу предполагает «переключение».

Следует подчеркнуть, что влияние современных средств коммуникации осуществляется не на уровне понятий и мнений, а в результате реконфигурации сенсорных пропорций и схематизма построения восприятия. Так, в терминологии французского антрополога Люсьена Леви-Брюля современное мышление можно назвать дологичным (пралогическим) [18, с. 140] вследствие нечувствительности к опытному знанию и обладанием некой мистичностью. Однако не следует воспринимать этот факт в координатах регрессивного возврата к архаико-мишленовскому «дословному» мышлению. «Привычка мыслить чувственными пятнами» [19] не предполагает выстраивания цепочки причинно-следственных связей с опорой на «устойчивые предшествующие моменты». Пралогическое мышление не только противостоит абстрактному и подчинено закону партиципации (сопричастности), но, оперируя образами, оно способно нивелировать противоречия, отводя основную роль ассоциациям. Леви-Брюль акцентирует внимание не просто на сосуществовании пралогического и логического типов мышления (в общественном и в индивидуальном сознании), а на способности современного человека в определенных условиях «переключаться» (например, толчком к пралогическому мышлению может послужить короткий по времени эмоциональный ряд, наполненный чувственными образами). То есть происходит постепенная смена рационального субъекта декартовского типа на децентрированного персонажа (субъекта), зависящего от репрезентативных структур [25, с. 19].

«Информационный человек», получая неограниченное количество информации из самых разнообразных источников, становится в некоторой степени заложником экрана, более того, он сам становится экраном, «на который проецируются любые внешние влияния» [13, с. 210]. То есть современный субъект действия, согласно представлениям французского философа-постмодерниста Жана Бодрийяра, помещен в рамки «гигантского процесса симуляции», наполняющего коммуникацию неким «фантомным содержанием», поглощающим объективную реальность. «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают

друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации» [3, с. 282]. Сталкиваясь с проблемой симуляционного пространства, продуцируемого новейшими технологиями, современный человек становится все более зависимым от медиа.

В контексте существования симулятивных прескрипций утрачивается аксиологическая основа человеческого существования, а интертекстуальность и гипертекстовое сознание человека позволяет перевести истины и ценности в плоскость словесного манипулирования. Личность все больше начинает подчиняться сиоминутным веяниям и эмоциям, а, по мнению Герберта Маркузе, «контроль над информацией, поглощение индивида повседневностью приводит к упадку сознания, дозированной и ограничению знания» [21, с. 94] и потере рациональности.

В эпоху постсовременности «нет больше ни сущности и явления, ни реального и его концепта», то есть, не обладая содержательным ядром, симулякр представляет собой пустую форму, которая может получить презентацию в любых бесконечно новых конфигурациях, в так называемом процессе тиражирования «копии копий». В условиях постоянного конструирования действительности человеку все труднее становится разграничивать медийные реальности и подлинную реальность. Так, в условиях постмодерна начинают жить отдельной жизнью такие коммуникативные образования как фактоиды (псевдодостоверное утверждение, выполняющее роль факта), позволяющие нивелировать грань между вымыслом и событиями мира реального.

Если факт как явление действительности, некая единица реальности, доступная наблюдателю и существующая независимо от сознания человека, выступает единицей знания, в совокупности образуя эпистемическую сферу картины мира, то фактоид, имитируя факты, делает достаточно труднительной верификацию сообщений в черед медиамифификации. Так, согласно теории перспектив обладателя Нобелевской премии по экономике Дэниэля Канемана, люди преимущественно полагаются на суждения, которое быстро приходят на ум и кажутся правдоподобными, однако зачастую склонны игнорировать факты, заставляющие мозг прилагать большие усилия [14]. Поэтому надежным способом заставить людей поверить неправде является частое повторение, так как нелегким процессом является различение истины и ощущение просто

чего-то очень знакомого. То есть мир кибер-симулякров [8] все больше заменяет реальный мир, а особенностью познавательной деятельности современного человека становятся стереотипизация, унификация, резкое снижение порога критичности. Индивид начинает «активно участвовать» в событийной части, сталкиваясь с неафишируемой подоплекой политики, он постепенно «вплетается» в политическую жизнь [22, с. 99], но при этом достаточно поверхностно воспринимаемая суть происходящего.

Нарушение привычных способов ориентации человека в современной действительности, выработка особого типа мироощущения и новых познавательных моделей, потребление готовых образов, подсознательно воспринимаемых человеком в качестве истинных и не требующих доказательств, показывают, что «познание сегодня требует минимальных мыслительных и экзистенциальных усилий». «Современный человек в своем массовом варианте <...> ориентирован преимущественно на усвоение уже готового знания — конкретной информации и образов, выработанных для него неким обобщенным, компетентным субъектом» [30, с. 72]. То есть прямой опыт человека, опирающийся на знания, навыки (например, умственные, социальные и коммуникативные), ценности, чувства и абстракции, постепенно заменяется опосредованным и технически поддерживаемым. Конечно, опыт такого характера преимущественно помогает человеку преодолеть ряд ограничений: пространства, времени и отсутствия информации, в то же время информация, получаемая таким образом, может стать своеобразной пропедевтикой в программировании восприятия и конструировании реальности.

Современные инфокоммуникационные технологии способны оказывать тончайшее социальное воздействие в условиях упрощения формально-логических процессов, когда из понятий, обладавших ранее собственным значением, выхолщивается содержание. Дальнейшая операционализация таких понятий позволяет эффективно включать их в заранее заданные структуры и системы, контексты. Все это не только создает угрозу превращения личности в заложника цифровых технологий, открывает широкие возможности для манипуляции сознанием, но и оказывает влияние на развитие общественных процессов и политической системы.

В современных условиях наиболее востребованной формой политического устройства общества остается демократия, предполагающая гражданам не только из-

бирать управляющих, но и контролировать власть. Однако коммуникационное изобилие, трансформируя привычные очертания социальной и политической жизни, все же не предполагает непрямого развития демократии. Все достаточно неоднозначно: по мнению австралийского исследователя проблем демократизации современности Джона Кина, происходит усиление и противоположных тенденций, в частности получают распространение декадентские процессы в области медиа, поощряющие общественное молчание и концентрацию неограниченной власти [16].

Метаморфозы современной демократии на примере Италии анализирует итальянский политический философ, теоретик республиканизма, профессор Принстонского университета (США) Маурицио Вироли. Который как один из крупнейших в мире специалистов по Никколо Макиавелли в книге «Свобода слуг» [6] описывает механизм постепенного «присвоения» государства легитимно избранным политиком (в данном случае мишенью автора выступает миллиардер, политик и медиамагнат Сильвио Берлускони). М. Вироли показывает возможности людей уровня Берлускони, которые, опираясь на разнообразные ресурсы и применяя современные технологии, делают государство «своим», видоизменяя деятельность свободных политических институтов и нарушая традиции демократии. Взамен выстраивают систему координат с «железной логикой личных связей» и доминантой сервильных отношений, центрирующихся вокруг персоны «государя» (со временем термин стал достаточно широко трактоваться в политической науке и подразумевает любого политика и государственного деятеля [11]), обладающего огромной властью. Берлускони как основатель одной из крупнейших «медиаимперий» не просто обладает существенными финансовыми средствами и имеет доступ к управлению системой массовой коммуникации — он получает беспрецедентные возможности в реализации своих интересов, устанавливая «повестку дня» и умело манипулируя общественными настроениями [17] миллионов итальянцев.

Сложившаяся придворная система требует постоянной игры, в которой самопрезентация и исполнение ролей, вдохновляя других, делает политическую коммуникацию в конечном счете бесконечным театром, функционирующим на маркетинговых технологиях. Маурицио Вироли считает, что власть политика такого ранга не является ни деспотической, ни авторитарной, однако он под-

черкивает ее ключевую особенность. Речь идет о ситуации, когда «четвертая власть», концентрируясь в руках премьер-министра демократического государства, становится мультипликатором политической власти. Последняя по силе и масштабам постепенно начинает выходить за пределы власти, которой когда-либо наделялась персона в условиях демократии. Поэтому сам факт подчинения такого рода власти порождает у человека и всего народа состояние несвободы. Конечно, формально свободу никто не отменяет: за народом сохраняются его базовые права, но свобода становится принципиально иной. Так, по мнению М. Вироли, свобода граждан (свобода благодаря или в силу законов) постепенно трансформируется в свободу слуг (свободой от законов).

Персонификация политики, ориентация на лидера и служение ему не только порождают у подчиняющегося рабский менталитет, но и приводят к трансформации личности, ее аксиологической составляющей. Со временем человек (придворный) вынужден «облекаться в чувства своего хозяина» и жить его умом. Создается иллюзия свободы, которая характеризуется хрупкостью и непостоянством, коррелирует с настоящим или желанием господина. В данном контексте граждане Италии, ориентируясь на свою элиту, лишаются моральных качеств свободного народа, а именно уважения к Конституции и Республике, готовности соблюдать законы и исполнять гражданский долг [6]. В политическом поведении жителей Италии все чаще начинает превалировать иррациональная компонента: вплоть до готовности поддержать ограничения на свободу, интерпретируя такие действия как возможность по улучшению уровня жизни граждан и сохранению стабильности. Однако, акцентируя внимание на контрасте свободы слуг и свободы граждан, М. Вироли приходит к мысли, что настоящая свобода предполагает подчинение всех, независимо от доступа к власти и лидеру, законам (законы должны быть сильнее людей).

Высокие технологии не просто изменили мир, а сформировали в том числе и большой арсенал средств, позволяющих отслеживать поведение отдельного человека, формировать своеобразный «портрет» пользователя на основе поискового портфолио, превращая человека в «послушного» потребителя экономического и политического рынка. Использование цифровых Big Data позволяет осуществить персонализацию контента для каждого пользователя, выработать стратегии, коррелирующие с конкретной личност-

ной спецификой, прогнозировать поведение. По мнению российского политолога Сергея Владимировича Володенкова, речь идет о зарождении такого феномена, как точечный политический микротаргетинг нового типа, базирующийся на психометрических моделях [7, с. 411], что позволяет адресно транслировать необходимый политический контент в сознание целевых аудиторий. То есть конкретному человеку отправляются индивидуальные месседжи, а сама личность помещается в своеобразный инфовакуум, продуцирующий фильтрами поисковых систем и рекламных механизмов. Такое существование интернета «конкретного “я”» постепенно начинает управлять жизнью человека, оказывая влияние на его представления о реальности и картину мира в целом.

В результате этого появляется угроза политической деперсонификации человека, манипулирования его сознанием и навязыванием определенных форм поведения. Так, согласно терминологии теории «патерналистского либерализма» профессора поведенческой науки и экономики в школе бизнеса Университета Чикаго Ричарда Талера и профессора Гарвардской юридической школы Касса Санстейна, человек все время совершает выбор, используя одну из когнитивных систем, то есть делает это либо автоматически, инстинктивно и особенно не задумываясь, либо рационально (аналитически). Следует особо отметить, что аналитическую систему мышления легко прервать, так как данный процесс требует значительных когнитивных ресурсов и затрат, и если их недостаточно, то она может корректировать «привязку». Учитывая, что люди преимущественно поступают иррационально, человека часто можно «развернуть» в нужную сторону и сделать его выбор автоматическим. То есть, немного изменив социальный контекст, человека можно «подтолкнуть» к принятию лучшего (разумного) решения посредством построения соответствующей «архитектуры выбора» [15, с. 31]. И таким «подталкиванием», по сути, может стать любой фактор, изменяющий поведение. То есть речь идет о необходимости помогать как отдельной личности, так и населению в целом принимать «правильные» решения. Однако стоит отметить, что широкомасштабное использование данной технологии в государственном управлении способно продуцировать и негативные эффекты. Так, создается угроза лишения населения права выбора посредством стимулирования осуществления «выбора» без выбора в рамках заранее намеченных

трендов. Данная ситуация мало соотносится с традициями демократии, а более похожа на манипулирование волей людей и инструмент политического давления.

Конечно, современные технологии власти становятся все более невидимыми, базирующимися преимущественно на эмоциях и аффекте, что не только изменяет основы управления, но и «заставляет» управленческие практики обращаться к политическому использованию «власти над живым как биологическим видом» [29] и оформлению механизма всеобъемлющего контроля. Речь идет о вероятности существования угрозы оформления информационного тоталитаризма и формирования пластичного человека — «человека для политики».

Таким образом, рост информации и развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) не только сказались непосредственно на мотивации и поведении личности, ее интенциях и когнитивных способностях, но и обусловили апелляцию к вопросу: что есть современный человек, спровоцировав актуализацию интереса к проблематике человека (начатой антропологическим поворотом в XX в.).

Сегодня, когда только намечаются контуры и проявляется некоторая специфика внедрения информационно-коммуникационных технологий, можно утверждать о существовании «человека информационного», находящегося в реальном и виртуальном мирах.

Многоформенность виртуального бытия не является однозначно положительной для психики человека для его мышления. Хотя это не только продуцирует возможности для саморазвития и самореализации человека, но и создает угрозы потери целостности личности и ее субъектности, влияет на модели поведения человека и определение целей. В то же время включение человека в глобальную систему информации, особенно сеть Интернет, способны обусловить дереализацию реальности, трансформацию форм социализации, расщепление личности и т. д.

Происходит изменение мышления, которое начинает подстраиваться и адаптироваться к новой реальности, что приводит к формированию клипового мышления. Особенно такой стиль мышления характерен для молодежи («детей цифровой эпохи» — поколения «Z»). Человек начинает мыслить дискретными, образами и обрывочными конструкциями. Единство субъекта вытесняется фрагментарностью и множеством контекстов, затрудняя систематизацию полученной информации и восприятие целостной картины.

Современные ИКТ, базируясь на распространении образов и звуков, оказывают влияние на человека, минуя стадию рефлексии, рационально практически не контролируются и опираются на биологические основы жизни человека. Данная специфика подрывает базовые основы демократии, посягая на свободу личности, способствует манипулированию сознанием, навязыванием определенных стереотипов и форм политического участия, сочетающих эклектизм новых моделей и реанимирующих традиционные элементы.

В условиях информационного общества происходит ориентация на особенности личностного восприятия информации, вследствие чего характер коммуникации становится персонализированным, что позволяет свести к минимуму когнитивный диссонанс. Современный человек попадает в псевдооткрытое информационное пространство, а точнее — в инфовакуум, и «вырваться» из него смогут только пользователи, обладающие достаточным уровнем медиаграмотности.

Таким образом, развитие новых средств коммуникации является неоднозначным процессом, открывая огромный мир перспектив для человека (созидание, креативность, творчество, цифровая демократия и т. п.), в то же время продуцирует опасность зависимости от медиа (потеря субъектности, пассивность, фрагментарность восприятия, информационный тоталитаризм и т. п.). Мир стал другим, а современные антропосоциальные и политические процессы нельзя оценивать только в бинарных категориях: «позитивно» или «негативно». Речь сегодня идет отнюдь не о необходимости возврата к печатной культуре и не о борьбе с новым стилем мышления. Они уже стали данностью и еще одним этапом в развитии человечества. Ключевой задачей сегодня выступает необходимость осознания личностью данной антропологической специфики и развития медиаграмотности в целях превенции и минимизации политического манипулирования.

1. Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от Homo faber к Homo informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127—134.

2. Аршинов В. И. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / отв. ред. В. И. Аршинов, Е. Н. Князева. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 500 с.

3. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гарражи. М. : Ad Marginem, 2000. 319 с.

4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М. : Логос, 2004. 368 с.

5. Вартанова Е. Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/352> (дата обращения: 08.08.2018).
6. Вироли М. Свобода слуг : пер. с итал. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 144 с.
7. Володенков С. В. Total Data как феномен формирования политической постреляльности // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 409—415.
8. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. : Изд-во Москов. ун-та, 2015. 272 с.
9. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология : реф. сб. / под ред. Ю. А. Кимелева. М. : ИНИОН РАН, 1995. С. 95—113.
10. Голубинская А. В. Релевантность сознания и виртуально-информационной среды как фактор социальной стратификации : дис. ... канд. философ. наук. Н. Новгород, 2018. 168 с.
11. Дергачев А. Ю., Вильховская Н. И. Творческое наследие Н. Макиавелли как источник современного политического дискурса // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskoe-nasledie-n-makiavelli-kak-istochnik-sovremenogo-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 08.09.2018).
12. Джеймс Мартин: тенденции, которые мы наблюдаем, могут угрожать человеческому разуму // Коммерсант — Review (Московский экономический форум), прил. 2008. № 17 (3834). 5 февр. С. 27. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/849133> (дата обращения: 15.08.2018).
13. Дьяков А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 357 с.
14. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М. : АСТ : Neoclassic, 2017. 656 с.
15. Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и новый патернализм. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики. 2013. 76 с.
16. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 312 с.
17. Ковалева А. Ю. Феномен Сильвио Берлускони в контексте особенностей политики и средств массовой информации Италии // Вестник МГИМО. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-silvio-berluskoni-v-kontekste-osobennostey-politiki-i-sredstv-massovoy-informatsii-italii> (дата обращения: 08.07.2018).
18. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
19. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1982. 480 с.
20. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М. : Кучково поле, 2014. 464 с.
21. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества М. : АСТ, 2003. 526 с.
22. Миронов А. В. Социальное участие и нравственный конфликт в политической этике // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2016. № 2. С. 97—104.
23. Павлова Е. Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/skrytoe-vozdeystvie-sredstv-massovoy-informatsii-na-massovoe-soznanie-kak-sotsialno-filosofskaya-problema#ixzz3kCONFWWX> (дата обращения: 16.07.2018).
24. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/informa-kartina-mira-kognitivno-semioticheskij-aspekt.html> (дата обращения: 12.08.2018).
25. Ткаченко Р. В. Антропологические аспекты философии постмодернизма // Парадигмы истории и общественного развития. 2017. № 5. С. 16—21.
26. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557с.
27. Тэйлор П. Распознавание образов и быстроизменяющийся капитализм: что говорит литература теоретикам потока // Хора. 2008. № 1. С. 28—49.
28. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. 317 с.
29. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы /М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
30. Храпов С. А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66—75.
31. Dijk Jan A.G.M., van. The Network Society: Social Aspects of New Media. 2nd ed. 304 p. URL: <http://www.forschungsnetzwerk.at/>

downloadpub/The_Network_Society-Jan_van_Dijk.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

References

1. Abramov M.G. (2000) *Chelovek*, no. 4, pp. 127—134 [in Rus].
2. Arshinov V.I. (2011) *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovacionnoj slozhnosti*. Moscow, Progress-Tradiciya, 500 p. [in Rus].
3. Bodriyar Zh. (2000) *Soblazn*. Moscow, Ad Marginem, 319 p. [in Rus].
4. Vallerstajin I. (2004) *Konec znakomogo mira: sociologiya XXI veka*. Moscow, Logos, 368 p. [in Rus].
5. Vartanova E.L. (2009) *Mediascope*, iss. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/352>, accessed 08.08.2018 [in Rus].
6. Viroli M. (2014) *Svoboda slug*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 144 p. [in Rus].
7. Volodenkov S.V. (2017) *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, no. 3 (15), pp. 409—415 [in Rus].
8. Volodenkov S.V. (2015) *Internet-kommunikacii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 272 p. [in Rus].
9. Giddens E. (1995) *Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya*. Abstract of thesis. Moscow, INION RAN, pp. 95—113 [in Rus].
10. Golubinskaya A.V. (2018) *Relevantnost' soznaniya i virtual'no-informacionnoj sredy kak faktor social'noj stratifikacii*. Nizhnij Novgorod, 168 p. [in Rus].
11. Dergachev A.Yu., Vil'hovskaya N.I. (2014) *Interespo Geo-Sibir'*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskoe-nasledie-n-makiavelli-kak-istochnik-sovremennogo-politicheskogo-diskursa>, accessed 08.09.2018 [in Rus].
12. (2008) *Kommersant — Review (Moskovskij ehkonomicheskij forum)*, no. 17 (3834), 5 feb. P. 27. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/849133>, accessed 15.08.2018 [in Rus].
13. D'yakov A.V. (2008) *Zhan Bodriyar: Strategii «radikal'nogo myshleniya»*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 357 p. [in Rus].
14. Kaneman D. (2017) *Dumaj medlenno... Reshaj bystro*. Moscow, AST, Neoclassic, 656 p. [in Rus].
15. Kapelyushnikov R.I. (2013) *Povedencheskaya ehkonomika i novyj paternalizm*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 76 p. [in Rus].
16. Kin Dzh. (2015) *Demokratiya i dekadans media*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 312 p. [in Rus].
17. Kovaleva A.Yu. (2016) *Vestnik MGIMO*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-silvio-berluskoni-v-kontekste-osobennostey-politiki-i-sredstv-massovoy-informatsii-italii>, accessed 08.07.2018 [in Rus].
18. Levi-Bryul' L. (1994) *Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii*. Moscow, Pedagogika-Press, 608 p. [in Rus].
19. Losev A.F. (1982) *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniyu*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 480 p. [in Rus].
20. Maklyuehn M. (2014) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. 4th ed. Moscow, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].
21. Markuze G. (2003) *Ehros i civilizaciya. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Moscow, AST, 526 p. [in Rus].
22. Mironov A.V. (2016) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, no. 2, pp. 97—104 [in Rus].
23. Pavlova E.D. (2004) *Skrytoe vozdejstvie sredstv massovoj informacii na massovoe soznanie kak social'no-filosofskaya problema*. Thesis. Moscow. Available at: <http://cheloveknauka.com/skrytoe-vozdejstvie-sredstv-massovoy-informatsii-na-massovoe-soznanie-kak-sotsialno-filosofskaya-problema#ixzz3kCONfWWX>, accessed 16.07.2018 [in Rus].
24. Rogozina I.V. (2003) *Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskij aspect*. Thesis. Barnaul. Available at: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/media-kartina-mira-kognitivno-semioticheskij-aspekt.html>, accessed 12.08.2018 [in Rus].
25. Tkachenko R.V. (2017) *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, no. 5, pp. 16—21 [in Rus].
26. Toffler E. (2002) *Shok budushchego*. Moscow, ACT, 557 p. [in Rus].
27. Tehjlor P. (2008) *Hora*, no. 1, pp. 28—49 [in Rus].
28. Festinger L. (1999) *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. St. Petersburg, Yuventa, 317 p. [in Rus].
29. Fuko M. (2015) *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tyur'my. Moscow, Ad Marginem Press, 416 p. [in Rus].
30. Hrapov S.A. (2014) *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 66—75 [in Rus].
31. (2005) *Dijk Jan A.G.M., van. The Network Society: Social Aspects of New Media*. 304 p. Available at: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/The_Network_Society-Jan_van_Dijk.pdf, accessed 12.06.2018 [in Eng].

For citing: Garas L.N.
 "A man informational"
 as an anthropological basis
 for political manipulation? //
 Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 7—17.

UDC 32.019.5+1:3

"A MAN INFORMATIONAL" AS AN ANTHROPOLOGICAL BASIS FOR POLITICAL MANIPULATION?

Lyudmila N. Garas,

Sevastopol State University,
 Institute of Social Sciences
 and International Relations,
 Associate Professor of the Department Chair
 of Politology and International Relations,
 Associate Professor,
 The Russian Federation, 299053,
 Sevastopol, ulitsa Universitetskaya, 33
 E-mail: garas_ln@mail.ru

Annotation

The article analyzes peculiarities of the information society development and the effect of implementing digital technologies in socio-anthropological and political interpretation. The author puts special attention to the appearance of "a man informational", existing in the split world of real and virtual. It is emphasized that life of a person in the context of the "split" reality on the one hand, opens new horizons for developing a personal potential and makes citizens more active in the political life but, on the other hand, poses threat of losing your

own self, opens possibilities for manipulating and deconstructing personality.

The author exposes peculiarities of person "integration" into new life conditions. It is underlined that in the context of post-modernism the most appropriate for the manner of narration is "mosaic thinking", which is characterized by fragmentary nature, sense prevalence, distortion of causality and multitude of contexts.

The article considers metamorphoses of the present-day democracy as exemplified by modern Italian state, particularly; the author shows the mechanism of gradual "acquisition" of the state by a legitimately elected politician. The author pays special attention to peculiarities of high technologies which have not only changed the political world but have formed the means making it possible to control an individual's actions, form his "portrait" on the basis of his acting on the Internet, and, consequently, to elaborate a target-focused strategy and construct his behavior. It is stated that for the purposes of preventing information totalitarianism it is necessary to aim for developing cognitive abilities and media literacy of a person.

Key concepts:

"a man informational",
 freedom,
 "mosaic thinking",
 micro-targeting,
 information totalitarianism.